

«ТРАССА»

СПЕКТАКЛЬ БОЛЬШОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

Приехавший на строительство Сибирской ГЭС корреспондент спрашивает у начальника трассы, какое он имеет образование. Чепраков отвечает, что учился четыре дня в институте, затем его избрали секретарем райкома комсомола, потом — горкома, позднее — комсоргом ЦК на строительстве Сибгидростроя, затем идут армия, курсы полнотруков, война, которую он окончил генералом.

Биографию Чепракова дополняет Патлай, его бывший однополчанин. Мы узнаем, что Чепраков был председателем райисполкома в освобожденных районах, начальником гражданских сооружений крупного управления на Иртыше. «И все время учился, и приобретал знания, и читал, и изучал, — добавляет Патлай. — А институт я копчал... а толку от меня ништяк».

Таков идеальный замысел пьесы: степень полноты человека Родине, народу определяет не диплом, а «человечья хватка и партийное сердце». Надо ли говорить об актуальности этой мысли в наши дни!

Коллектив Большого драматического театра, поставивший к XXI съезду партии пьесу И. Дворецкого «Трасса», привлекла не только ее животрепещущая тема. В изображении людей и событий строительства в пьесе виден зоркий глаз художника, знающего жизнь. Интересно адекватен образ Чепракова. Перед нами отнюдь не абстрактный «идеальный герой». Чепраков — живой человек с многими недостатками. Он грубоват, излишне прищипан. Но сколько в нем неутомимой энергии, преданности делу, самоотверженной любви к строю! Этот герой — прямой литературный собрат и потомок Григория Галя из пьесы Н. Погодина «Мой друг». Они как бы переключаются через десятилетия: один возглавлял стройки в горячие дни первой пятилетки, другой руководит гигантским строительством в период перехода советского общества от социализма к коммунизму.

Но автор «Трассы» — драматург молодой. И ему не до конца удалось поглотить все свои интересные художественные намерения. Разумеется, творческое право автора — придавать те или иные черты характера главному герою пьесы. Погодин видел в своем Гае прежде всего великого жизнелюба, неизменно оптимиста. Дворецкий показывает Чепракова несколько иным: его герою присущи скорее суровый, даже мрачный фанатизм, движущий всеми его помыслами и делами. Но нам кажется, что для таких качеств, как воля и мужество, которыми наделяет Дворецкий образ начальника трассы, оптимизм был бы лучшим спутником. Сейчас же образ Чепракова излишне приземлен. Это придает пьесе несколько темный, сгущенный колорит. Он усиливается тем, что среди участников стройки есть дуэля, побывавшие в заключении. Молодежь же, которая особенно охотно едет на преобразование новых земель, представлена в пьесе слабее.

Театр готовил спектакль в чрезвычайно сжатые сроки, и первый его вариант во многом повторял, даже углубляя недостатки пьесы. Прислушавшись к критике общественности, постановочный коллектив создал новый вариант спектакля, в котором на первый план выступило все яркое и талантливое в пьесе. Постановщик спектакля Г. Толстого прежде всего усиливает романтическое звучание пьесы.

...Ночная тайга. Мчатся тучи. Кружит метель. В мутной, беснувшейся мгле сплутыли могучих сосен и елей кажутся грозными призраками. И вдруг, перебивая вой пурги и свист ветра, несется по тайге ликующий голос. Это комсомолец Ваня Хаба-

роп (С. Юрский) вдохновенно импровизирует стихи о покорении природы. Суровая красота сибирской тайги (художник С. Мандель), эмоциональная музыка О. Ефлахова вносят в спектакль патетически-романтическую струю.

Этому же способствуют и кинокадры, широко введенные режиссером в спектакль. Прием этот, разумеется, не нов, но здесь он органичен. Когда на экране под колесами мощных механизмов валятся высокие сосны и ели, начинаешь ощущать размах стройки, ее повседневную трудовую жизнь.

И хорошо, что наряду с этой романтической режиссурой много достоверных бытовых подробностей, пристально вглядываясь в облик каждого из участников стройки. Вот, например, ветеринарный врач Максим Патлай. В трактовке Е. Лебедева это — своеобразная и интересная личность. Жизнь порядком потрепала этого человека, оставшегося без кола, без двора и без семьи из-за своего пристрастия к рюмке. Приемами довольно театральной выразительности рисует исполнитель этот характер, показывая, как Патлай находит все же свое скромное место в общем большом деле. Сначала он высокочтен, бравадирует своими скитаниями. Во всем мажоре Патлая—Лебедева есть сознательное подражание горьковским боссякам. А затем постепенно все это отпадает, как шелуха, и Патлай—Лебедев оказывается человеком делильным, сердечным, полезным.

А вот — Хватик, являющийся на трассу со своим ладистиком-инструментом и с печалью в сердце по оставленной любимой жене. Его очень живо, с присутствием артисту юмором играет И. Палычу. Человек общительный, словоохотливый, не без хитринки, Хватик любит свою профессию, хорошо чувствует себя на новом месте, где так нужна его «плотничья отрасль».

Выразителем образ Семенова-Байрона (В. Стрельчак). Вопреки своей нелепой биографии в прошлом, Семенов-Байрон пытается в первые дни пребывания на трассе относиться к работе и жизни легко и бездумно. Но и его меняет стройка: он честно завоевывает звание уларника.

Романтический взлет и провал быта — в этом, верно выразительно стилизованном ключе решены многие эпизоды спектакля. Но нет нужды доказывать, что бытовая достоверность и приземленность — не одно и то же. И думаешь, что в спектакле кое-где еще и сейчас сохранился тот мрачноватый колорит, о котором писал выше. С этих позиций, очевидно, следует еще раз посмотреть все массовые сцены спектакля. Важно, чтобы романтика и поэзия органичнее вошли во всю ткань постановки. Тем более что в сцене Чепракова с молодежью, недавно введенной в спектакль (в первом варианте она была сокращена), утверждается мысль о том, что подлинная романтика не есть

что-то внешнее, выдуманное горячими головами, она обнаруживается именно в последнем, порой тяжелем и самоотверженном труде строителей.

Душой, руководителем и организатором всех участников стройки является Чепраков. Играющий его В. Кузнецов впервые выступает в такой ответственной роли на сцене Большого драматического театра. Работа молодого исполнителя, несомненно, интересна. Во всем, что делает Чепраков—Кузнецов, нет никакой внешней декларативности, но мы верим, что этот энергичный, темпераментный человек сроднился всем сердцем со стройкой, что она для него — родные детище. Поэтому так непреклонен, даже жесток Чепраков—Кузнецов в споре с главным инженером Абросимовым, протестующим против нового проекта укорочения трассы, сокращения сроков строительства. Поэтому столько настойчивости в голосе Чепракова—Кузнецова, когда он обращается с «беспреседельной» просьбой к редактору краевой газеты — положить в интересах дела с опубликованием критической статьи о трассе. Есть в Чепракове, каким рисует его Кузнецов, и скромность и своеобразное обаяние. Чепраков любит людей, сердечно вникает в их нужды. Недостаток же, на наш взгляд, в образе, созданный артистом, житейской зрелости. Не очень-то верится, что у Чепракова познаны уже немалое прожито и сделано. Хотелось бы видеть также больше душевной теплоты в диалогах с Лизой Ферапонтовой (ее ярко, сочно играет В. Таланова), подлаяного лиризма в сценах с Леной Абросимовой.

Женщина с сильным характером и пронизывающим складом ума — такова инженер Абросимова в трактовке Н. Ольхиной. Именно такую женщину мог любить Чепраков. И все же лирические сцены Чепракова с Леной и в пьесе и в спектакле выглядят несколько банальными.

Отцы Лены — главный инженер строительства — это человек с увлеченным самолюбием, раздраженный тем, что «мечта» Чепраков пользуется у рабочих большим авторитетом и любовью, чем он. Психология этого старого специалиста, отцовского, но искренне не верящего в силу Чепракова, тонко и тонко передает В. Софроню.

Спектакль «Трасса» находится в процессе непростого творческого роста: вводятся новые исполнители, пересматривается решение отдельных сцен. Все ощущаемое звучит на сцене оптимистически тема творческого, созидательного труда, открывающего и облагораживающего людей. И нет сомнения, что в ближайшее время все творческие возможности участников спектакля раскроются полностью и ярко.

О. ПЕРСИДСКАЯ

На снимке: сцена из спектакля «Трасса». Фото Д. Мовшина